

УДК 811.161.1'282.2(470.1) + 81:39 + 39:63
ББК Ш141.12-51 + Ш100.04 + Э412

«НА НИЩЕГО, НА ПИЩЕГО...»: ПАРЕМИОЛОГИЯ И ЛЕКСИКА РУССКОГО СЕВЕРА ОБ ОБИЛЬНОМ УРОЖАЕ. ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ¹

ЕЛЕНА ЛЬВОВНА БЕРЕЗОВИЧ, ВАЛЕРИЯ СТАНИСЛАВОВНА КУЧКО

(Уральский федеральный университет:
Российская Федерация, 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51)

Аннотация. Статья содержит две краткие заметки о том, как в народном языке и культуре (на русском материале) осмысливаются разные аспекты одного явления в сельскохозяйственной практике: обильный урожай и чрезмерно активный рост растений. Первая заметка посвящена одному из способов обеспечения хорошего урожая с помощью вербальной магии — произнесению коротких приговоров при посадке огородных культур; во второй рассмотрены лексемы, которые обозначают слишком активный рост растений. Ставится цель реконструировать мотивировки некоторых вербальных формул и лексем (в связи с теми прагматическими установками, которые определяют их произнесение и употребление) — и тем самым способствовать реконструкции комплекса народных представлений о вегетации и урожае. Материал ограничен территорией Русского Севера и включает в себя главным образом неопубликованные полевые материалы, полученные в ходе работы Топонимической экспедиции Уральского университета (ТЭ УрФУ) в Вологодской, Костромской и Архангельской областях. Используются также данные диалектных словарей и фольклорно-этнографических источников по территории Русского Севера; в редких случаях для сравнения приводятся языковые факты, записанные в других зонах.

Ключевые слова: русская диалектная лексика, этнолингвистика, Русский Север, аграрная магия, аграрные вербальные формулы.

ВОЛОГОДСКИЕ ПРИГОВОРЫ НА ХОРОШИЙ УРОЖАЙ

Речь пойдёт о кратких вербальных формулах, которые бытуют на Вологодчине и произносятся при посадке овощей, зерна и пр. для получения в будущем обильного урожая. Подобного рода небольшие тексты, сопровождающие все виды земледельческих работ от посадки до уборки сельскохозяйственных культур

и фиксируемые на разных славянских территориях, становились предметом специального изучения в работе В. В. Усачёвой [2008: 85–126]: ею описаны мотивы, встречающиеся в магических приговорах, характерные ситуации и обстоятельства, в которых они произносятся, перечислены их адресаты (Бог, Богородица, некоторые святые, сам говорящий, сажаемые растения, земля) и др. В настоящей заметке мы

¹Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ «Контактные и генетические связи севернорусской лексики и ономастики» (проект 17-18-01351).

сосредоточимся на определённом типе аграрных магических формул, дополнив материал В. В. Усачёвой, новыми полевыми данными, которые были собраны ТЭ УрФУ в Тотемском районе Вологодской области в 2017 г.

В рассматриваемых приговорах реализуется формула «что бы всем хватило» (по определению В. В. Усачёвой [2008: 90]), бытование которой широко распространено на славянских территориях. Они строятся на перечислении тех, кто, как предполагает субъект речи (одновременно «сеятель», хозяин поля), заинтересован в результатах посева. При этом просьба о том, чтобы каждый из названных был обеспечен своей долей, призвана увеличить овощной или зерновой достаток хозяина. В качестве потребителей будущего урожая могут называться природные силы, влияющие на растения (солнце, ветер), животные, вредящие посевам (птицы, мыши, черви), разные социальные группы людей; ср. примеры последних: костр., смол. «Дай, Боже, урожая всякому, хоть бедному, хоть богатому», курск. «Сажу я капусту, зароди, Господи, на все души», укр. чернигов. «Рады, Божэ, на усякого долю, на военного и на пленного, на папову, на дякову, и на циганську и на мужикову» [Там же: 90–91], укр. «Выходя на посев, хозяин берёт с собою хлеб, соль и рюмку водки, придя на поле, ставит их в том месте, с которого хочет начать сеять. Прежде, нежели бросить в землю первую горсть зерна, обращает глаза к небу и говорит: “Роди, Боже, на всякого долю!”» [СМЗ: 43] и др.

На территории Тотемского района активно используются приговоры, содержащие как раз «человеческий» компонент урожайных формул (т. е. в качестве потребителей, «адресатов» урожая перечисляются разные группы людей). Они записаны как в более развёрнутом, так и в усечённом виде; в развёрнутых записях представлена апелляция к Богу, выраженная обращением и глаголом 2 л. ед. ч. (*народи, Господи / нарости, Господи*), и перечислительный ряд обозначений адресатов-потребителей. Среди адресатов обязательно упоминаются *нищие* и *нищие*, остальные компоненты формулы

варьируются, ср.: «Когда начинаешь что-то садить, опускаешь плод или семечку в землю и говоришь 3 раза: “Народи, Господи, для пищих, для нищих, для всех крещёных людей. Аминь”» (Чуриловка)²; «Народи, Господи, на нищих, на писчих и на всю нашу братию» (Конюховская); «На нищего, на пищевого и на всю божью братию» (Гридинская); «Для нищих, для пищих и самих себя народи, Господи» (Давыдиха); «Народи, Господи, на нищего, на пищевого и на всех православных» (Гридинская); «Нарости на нищего, на пищевого и на завидошего», — так говорят, когда сажают, хоть что сажают» (Успенье); «Народи ты, Господи, на нищего, пищевого, завидошего и всякого крестьянина» (Лиственница); «На нищего, на пищевого, на злящего, на завидошего и на всех крещёных нарости, Господи» (Лучкино); «При посадке: “Народи, Господи, народи на нищих, на малых детей, на всех православных”» (Гридинская); «На нищчево, на пищчево, на всех людей» (Орлово). Ещё один подобный приговорный текст был записан экспедицией МГУ в Архангельской области: «Сажу я капусту на нищих, на пищих, на завидящих. Чтобы выросла капуста хорошая» [РЗЗ: 218].

Имеются более ранние свидетельства бытования некоторых из мотивов, характерных для приведённых приговоров, на тотемской территории, ср. запись 1925 г., сделанную в Тотемском уезде: «Поедем, бывало, со старичком-то, сядем, посидим в поле на мешочке с хлебом (зерном), Богу помолимся, говорим: “Уроди, Господи, хорошево хлеба на нищово братия, на всех православных”. Если маленькие ребята есть и с ними ходят, бывало, и тех учат: “Перекстись Господу Богу, молись, щоб Господи хлебу уродил на всех православных христиан”» [РС: 633].

Прокомментируем логику **компоновки лексического состава формул**, которая выглядит несколько необычной, поскольку в один ряд (при перечислении тех, за кого просит говорящий) поставлены нерядоположенные элементы. С одной стороны, приводятся вполне ожидаемые социальные термины — как конкретизированные (*нищие, малые дети*), так и обобщённые (*все крещёные люди*), *все*

²Здесь и далее материалы ТЭ УрФУ будут даваться без ссылки на источник; во всех случаях подразумевается КСГРС для вологодских данных и ЛКТЭ для костромских.

люди, вся наша / божья братия, все православные, всякие крестьяне). С другой стороны, даются неожиданные для перечисления членов *божьей братии* обозначения людей, несущих вред и зло: *завидошце / завидящие, злящие*. Кроме того, есть слово с неясной внутренней формой — *пищие*. Обратимся сначала к нему.

Слово *пищий* не фиксируется в словарных источниках и не употребляется в речи информантов вне текстов сельскохозяйственных приговоров. Ясно, что оно появилось в «рифму» к *нищий*, т. е. в результате словообразовательного выравнивания элементов перечислительного ряда, своеобразной лексической инерции, характерной для магической речи. Производящим явно следует считать слово *пища*, при этом в сознании носителей традиции *пищий* не имеет лексического значения, ср. попытки информантов дать ему определение по запросу собирателя: «Пищие — это нищие, что собирают еду и питаются этим» (Гридинская); «Говорят “На писчих” — это на прихожих <приходящих в гости>. На нищих, на писчих, то есть на тех, кто в гости придёт, и на свою братию, это уж на свою семью значит» (Конюховская); «Пищий — так тот побогаче. А нищий совсем уж...» (Климовская); «Пищие все, все вообще пищие, и мы с вами пищие, это все люди» (Гридинская). Все контексты демонстрируют бесспорную мотивированность *пищего* словом *пища*, несмотря на существование омонимичного прилагательного *писчий* < *писать*: *пищий* — это или тот, кто собирает (выпрашивает) пищу (здесь *пищий* синонимичен *нищему*), или тот, кто её имеет (в противопоставление *нищему*), или тот, кто её ест (гость, которого нужно угощать), или тот, кто нуждается в пище (все люди). Перечисленные возможности не исключают, а, скорее, дополняют друг друга; можно сказать, что изучаемое слово обладает словообразовательным значением — при отсутствии лексического.

Очевидно, окказиональная лексема *пищий* «наведена» контекстом в процессе использования приговоров, в которых первоначально функционировало слово *пища*, также составляющее рифмующуюся пару к прилагательному *нищий*. Об этом свидетельствуют как тексты, записанные ТЭ УрФУ в Тотемском районе, так и зафиксированные на других территориях,

ср.: «Народи, Господи, за нищего, за пищу, на всю святую братию» (Сродино); «Народи бы для пищи, для нищих, для малых детонек» (Чуриловка); «Пожелание хорошего урожая при посеве хлебов, посадке овощей и т. п. “Подай, Господи, пищу на братию нищу”» (твер., 1897) [СРНГ 27: 60]; «Чтобы Бог уродил хороший урожай — нищим на пищу и нам на корысть» (Каргопольский р-н Арх. обл.) [Усачёва 2008: 91]; «Когда сажают что-нибудь, приговаривают: “Дай, Господи, на пищу, на нищих, на всех завидящих”» (арх.) [РЗЗ: 218].

Обратимся к словам *завидящий* и *злящий*, которые фиксируются словарями как узуальные: арх., перм. *завидящий* ‘завистливый’: «Экие у него завидящие глаза» [СРНГ 9: 315] (ср. арх., влг., костр., яросл., вят. *завидость* ‘зависть’ [Там же]), северн., арх., карел., том., тобол. *злящий* ‘очень злой’: «Коль ты не злящий, чего дерёшься?» [СРНГ 11: 297], арх. ‘очень злой, вредный, “злющий”’: «Какой ли бес вас надавал, злящие вы ребята» [СГРС 4: 271]. Лексема *завидящий* частотна для заговорных текстов разных типов, где фигурирует как обозначение субъекта колдовских действий, от дурного глаза которого требуется защититься говорящему. Ср., к примеру, распространённый заговорный мотив бросания соли в глаза завидующему: «Если озевают, изурочат, говорят: “Завидящему да озевавшему в один глаз песку, в другой — соли”» (арх.) [РЗЗ: 315]. Показателен также отрывок из заговора от тоски и порчи: «...И х(р)анит Пресвятая Мати Божия от набродов и уродов, и от призоров, и от всякаго завидяшаго человека» (арх.) [Топорков 2010: 471] и др. Поскольку изучаемые аграрные формулы транслируют вербальную магию, их взаимодействие с таким сильным видом магических текстов, как заговоры, вполне естественно. Но почему *завидящий* фигурирует в тексте не в качестве антитезы к обозначениям других категорий лиц, а в перечислительном ряду с ними (*крещёными, крестьянами* etc.)? Думается, такое употребление носит превентивный характер. Момент посадки моделирует будущий урожай, а урожай — как и другие базовые ценности — подвержен всяческим опасностям, в том числе сглазу. Представления об этом многократно транслируются в разных кодах традиционной культуры. Приведём лишь один пример:

арх., влг., костр. *урóчливый* ‘подверженный сглазу (в том числе о культурных растениях)’ — «Лук самый урочливый, его обурочат, он весь сгниёт. А то возьмут луковицу — как бы на посадку — и уведут у хозяина» (влг.) [КСГРС]; ср. свидетельства из разных славянских регионов о том, что урожай или рост овощей будто бы может перейти к соседям вместе с тем предметом, который одалживается во время полевых работ [СД 2: 14]. Многочисленные языковые и фольклорно-этнографические факты, обнаруживающие веру жителей восточной Вологодчины в «урочливость» огородных растений (особенно лука), комментируются в [Кучко, Леонтьева 2018]. Поэтому при передаче посадочного материала друг другу обязательно произносились формулы, гарантирующие «миролюбивые» установки берущего, который хочет обеспечить урожай как себе, так и хозяину, и обещает не сглазить посадки последнего, ср. влг. «Муха в ухо, чирей в глаз. Нам обоим Бог подаст. Нам и вам, обоим сторонам»; «Дай Бог мне, дай Бог и тебе» [Там же: 9]. Установки такого же рода, думается, обусловили включение слов *завидящий* и *злящий* в текст «посадочных» приговоров: тот, кто произносит приговор, защищает свои посадки и себя от потенциально опасных *завидящих*, включая их в число будущих получателей урожая.

Такая логика «задабривания» *завидящих*, включаемых в один ряд со *всей божьей братией*, выдерживается в большинстве изучаемых приговоров. Но есть случаи, когда категория тех, кто потенциально может навредить урожаю, обособляется: арх. «Чтобы куры лук не воровали, нужно, когда первую луковицу сажают, сказать: Как курица свою жопу не видит, так и лука не видь. Я лук садила, по жопе хлопнула. На завидящего, на изволяшного» [РЗ3: 217]. Здесь представляет особый интерес слово *изволящий*, не фиксируемое в словарях. Оно, очевидно, относится к тем, у кого может возникнуть желание завладеть овощами, ср. общенар. *изволить*, арх., олон., перм., урал. *извóл* ‘воля, желание, изволение; произвол’ [СРНГ 12: 110]. Прагматика этого текста отличается от предыдущих примеров: говорящий стремится оградить урожай от посягательств, совмещая заговор от птиц с элементами приговоров, реализующих

формулу «чтобы всем хватило», при этом из последних заимствуется часть перечислительного ряда.

В заключение отметим, что группы людей, называемые в рассмотренных приговорах, или маргинальны и неспособны к самостоятельному взращиванию своего урожая (*нищие, малые дети*), или несут в себе угрозу (желают зла, завидуют или просто охочи до чужого добра — *злящие, завидящие, изволящие*). Проявляя великодушие и прося в том числе и на их долю, говорящий, очевидно, хочет добиться расположения высших сил, тем самым обеспечив себе урожайный достаток.

СЕВЕРНОРУССКИЕ ГЛАГОЛЫ АКТИВНОГО РОСТА РАСТЕНИЙ

В практике сельскохозяйственных работ и огородничества важной точкой отсчёта служит период, когда любые растения или посадки достигают оптимального для уборки состояния, ср., к примеру, арх., влг. *пóрный* ‘хорошо уродившийся’ [СРНГ 30: 63] (< *пора*), влг. *ра́стовое сено* ‘сено хорошего качества, скошенное в лучшую пору для сенокоса’ [КСГРС] (< диал. шир. распр. *раст* ‘лучшая пора для роста зелени, хлебов, для сенокоса, сбора молока (на масло) и т. д., пора созревания плодов, ягод’ [СРНГ 34: 244]) и др.

На условной «шкале роста», звенья которой отражены в языковых номинациях, существуют отметки и «левее», и «правее» такого идеального состояния растений: это обозначения *недорода* и *перерода* (а также соответствующего поведения посадок).

При этом обильный рост может вызывать амбивалентное отношение. В первую очередь, разумеется, проявляется **положительная оценка особой урожайности** какого-либо растения. Ср., к примеру, славянские представления о том, что удвоение плода — это символ достатка, богатства: «Двойной орех “спорыш” рекомендуется носить в кошельке, чтобы деньги “спорились” (бел.); двойной каштан (словен.) служит талисманом; двойной колос (*спорыш, двойчатка, близнята* и т. п.) скармливали скотине для повышения плодovitости, их клали в карман или за пазуху на счастье, хранили за иконой, втыкали под матицу — от насекомых» [Колосова 2009: 125]; об этом см. также в [Толстая 2010: 238] и др.

В лексике Русского Севера есть разные способы обозначения процесса активного роста. Так, скорое разрастание какой-либо культуры от одного корня или клубня (речь, как правило, идёт о картофеле, луке и чесноке, зерне) может обозначаться глаголами влг. *грядѣ́ться*, влг. костр. *разгрядѣ́ться*, арх. *дроздѣ́ться*, влг. *дрездѣ́ться*, влг. костр. *дроздѣ́ться*, костр. *раздроздѣ́ться*, ср. арх., влг. *грядз*, *грядзѣ́к* 'гнездо плодов (как правило, о луке, картофеле)', влг. *грядѣ́* 'то же' [СГРС 3: 147, 148], влг. *дрозд* 'то же' [Там же: 272], костр. *грядзѣ́к* 'то же', костр. *дрѣзд*, *дрездѣ́к*, *дрозд*, *дрѣздик* 'то же': «Рожь грядзится: от одного зерна много волотей <соломинок>» (влг.) [СРНГ 7: 188]; «Любой лук грядзится, посиёшь одну — а будёт грядзок» (влг.) [СГРС 3: 148]; «Рожь эо дрездится: с одного стебелька десяток ещё стебельков. Лук, картоха тожо дрездится» [Там же: 267]; «Разгрядзился хорошо лук, вон грядзок богатый какой» (костр.); «У лука много маковиц <луковиц> бывает, и по четыре, и по пять, и по десять, и по двенадцать. Лук дроздится ведь, растёт» (костр.). Разрастание культур, обозначаемое словами корня *грезд-* / *грядз-* / *дрезд-* / *дрозд-*, оценивается положительно. Это гнездо не даёт производных с негативной семантикой; включая ещё один фонетический вариант корня *грозд-* (ср. рус. *гроздь*), на русской почве оно состоит из преимущественно «растительных» слов, см. [ЭССЯ 7: 113–114, 142]. Его вторичные значения немногочисленны и находятся в области обозначений скопления людей, ср. влг. *грезд* 'середина деревни, обычно густонаселённая' [СРНГ 7: 130], арх. *грядзной* 'многолюдный': «Деревня-то грядзная была, а нонь никого» [СГРС 3: 148].

Однако имеются свидетельства **противоположного отношения к обильному росту**. При этом негативная оценка излишнего количества зелени или плодов (ср. пословицу *Перерод хуже недорода* [Даль 3: 198]) имеет прагматические причины: «Часто слишком быстрый рост надземной части растений, листвы идёт в ущерб развитию корневой системы и ослабляет жизнеспособность недостаточно ещё окрепших, не забравших силы растительных организмов» [Ермолов 2013: 229]; «Столь же неблагоприятна, как и слишком буйное развитие зеленей с осени, чрезмерная густота всходов при густом

посеве <...> редкие, хотя и невзрачные на вид всходы, часто оказываются надёжнее. Это ясно выражается в нижеследующих поговорках: *Густое жито всходит — веселит, а редкое — детей кормит; Як не буде густо, то не буде й пусто* (малорос.)» [Там же: 230–231]. Кроме того, чрезмерность может вызывать опасения в её «нечистом» происхождении и, соответственно, вредоносности (см. ниже).

Сотрудники ТЭ УрФУ зафиксировали несколько глаголов, описывающих буйный рост «зелёной» части растений — травы, ботвы овощей, луковых перьев и под. В Шарьинском районе Костромской области записано слово *благовѣ́ть*: «Помидоры благу́ют — растут сильно» (Плосково), «Ой, у меня благу́ёт, вот нынче лук благовал, такого пера не бывало, особенно эти чивы-то» (Столбецкое) (ср. костр. *чив* 'стрелка у лука'); в Тотемском районе Вологодской области — *дурить* и производные *надурить*, *задурить*: «Лук дурит — в ботву растёт» (Таборы), «Трава нынче дурит» (Великий Двор), «Лук дурит, картошка дурит, посевы тоже дурят» (Воронино), «Вон как у меня петрушка дурит, до потолка дак» (Давыдиха) (ср. ещё арх. «Трава-то сейгод дурит, эка большашша», «Картошка дурит, росы́тѣд быстро» [АОС 12: 376], свердл. «Травы в огороде много надурело» [ДЭИС]); в Никольском — *напѣ́титъ*: «Вот сколько напѣтило! Хороший урожай картошки или луку —росло много. Ой, напѣтило сколь на огороде» (Вороново), *зашалѣ́ть*: «Зашалела нынче вся грядка» (Байдарово), *сдича́ть*: «Сейгод лук сдичал быстро» (Теребаево), причём последние два глагола имеют, судя по полученным контекстам, более узкую семантику 'бурно разрастись, пойти в дудку (о луке)'.

Из всех этих глаголов только влг. *напѣ́титъ* изображает бурный рост посадок как их активное распространение в пространстве: оно входит в гнездо праслав. **pęti, rьpъ* 'натягивать' (о котором см., например, [Фасмер 3: 423; ЭСБМ 10: 322; Macheek: 447]). Остальные слова, принадлежащие гнёздам корней *дур-*, *благ-*, *шал-*, *дик-*, формируют особый смысловой ряд и воплощают именно идею неумеренности, дикости, нецелесообразности бурного роста. Эти гнёзда покрывают огромное семантическое пространство, которое в разных своих фрагментах

освещалось в литературе и не может быть рассмотрено в небольшой статье. Перечислим кратко лишь некоторые смысловые области, где сближаются продолжения указанных корней; этот перечень нужен для понимания того семантического «наследства», которое должно закономерно трансформироваться при попадании в сферу вегетации растений. В особой оговорке нуждается гнездо *благ-*: как известно, в современном литературном языке оно включает в себя преимущественно положительно окрашенные продолжения (кроме единичных фактов типа *блажить*), но в говорах оно характеризуется ярко выраженной энантиосемией, что позволяет его элементам дублировать значения «негативных» гнёзд.

Самая обширная сфера связана с обозначениями разного рода интеллектуальных расстройств: арх. *блажить* 'вести себя ненормально вследствие умственной неполноценности' [АОС 2: 29], костр. *благовать* 'быть в состоянии сумасшествия, сходить с ума' [СРНГ 2: 305]; общенар. *дурить* 'то же'; *шалёной* 'сумасшедший, блажной, с придурью' [Даль 4: 1395]; арх., влг., сев.-двин., вят. *дикий* 'сумасшедший, безумный' [СРНГ 8: 56], арх. *дичать* 'сходить с ума, безумствовать' [СРНГ 8: 68] и мн. др. В семантической сфере поведенческих девиаций элементы изучаемых гнёзд синонимичны, ср., к примеру, их словарные толкования друг с помощью друга: диал. шир. распр. *благой* 'дурной' [СРНГ 2: 306], арх. *блажить* 'дурить; шалить' [АОС 2: 29], *шал* 'дурь, блажь' [Даль 4: 1394], влг. *дикáсь* 'дурачиться, шалить' [СРНГ 8: 56]; ср. также их способность выступать в составе номинативных дублетов: арх. *на дурное делать* 'совершать какие-л. глупые, неразумные поступки' [АОС 12: 377], влг., костр. *на благое делать* 'совершать вредоносные действия' [ЛКТЭ; СГРС 1: 117] и т. п.

Значения, представленные в указанных гнёздах, имеют многие точки соприкосновения и вне психосоциальных смыслов. Это, например, «природная» семантика: характеристики некультурных или не употребляемых в пищу растений (арх. *дурной* 'дикорастущий' [АОС 12: 379–380], арх. *дикий* 'то же' [АОС 11: 145], пск. *дичь* 'дикие растения' [ЭССЯ 5: 29], сиб. *дурь* 'негодная для корма трава,

напр. в таёжных лесах' [Даль 1: 1250], влг., сиб., урал. *дурь* 'название сорных или ядовитых растений' [СРНГ 8: 273]); обозначениях свойств диких животных (общенар. *дичь* 'о мясе, идущем в пищу человеку', *дикий* (о животных), забайк. *дурной* 'дикий, неприрученный (о животных)' [СРНГ 8: 270]); метеорологические значения и контексты (карел. *шалить* 'дуть (о ветре)' [СРГК 6: 825], влг. *зашалевать* 'подуть (о сильном ветре)' [СГРС 4: 242], арх. «Так и будет дурить погода-то» [АОС 12: 376], арх. «Сей год погода дурила, несло много снегу-то» [КСГРС], арх. «Ветер, пурга благует» [СРНГ 2: 305]) и др. Как видим, в «метеорологических» значениях проявляется признак интенсивности — и это неслучайно для данного гнезда, в семантическом пространстве которого можно выделить группу абстрактных смыслов, связанных с большим количеством, интенсивностью или нарушениями разного рода стандартов, ср. арх. *дурить* 'проявлять себя необычным образом (о реке)': «Дурид Двина — выходит из берегоф» [АОС 12: 376], арх. *дурной* 'значительно превышающий в чём-н. обычную норму, ненормальный' [Там же: 379], арх. *дурняк* 'что-н. необычное, выходящее за пределы нормы' [Там же: 381]; костр. *благой* 'большого размера, большого роста' [СРНГ 2: 308], диал. шир. распр. *благо* 'много, довольно, достаточно' [СРНГ 2: 305], арх. *благóшкой* 'многочисленный' [АОС 2: 29]; арх. *дико* 'сильно, интенсивно'; 'много, в большом количестве' [АОС 11: 143], арх. *дикий* 'значительный по величине, размерам; большой' [Там же: 147], 'достигший высокой интенсивности, очень сильный' [Там же: 148], олон., новг. *дикий* 'большой, высокого роста, длинный' [СРНГ 8: 56]; карел. *шалётъ* 'нестись, мчаться' [СРГК 6: 824], ср. также без указ. места *хálко* 'сильно, шибко, бойко' [Даль 4: 1163] (о чередовании *шал*-/хал- см. [Фасмер 4: 216]).

Разумеется, названные группы смыслов имеют разную продуктивность в семантическом пространстве каждого из изучаемых гнёзд. Так, в гнёздах *дур*- и *дик*- сравнительно большое место занимает «природный» регистр, а гнёзда *благ*- и *шал*- в основном «обслуживают» сферу человеческих состояний и поведения. В то же время смысловая общность всех гнёзд налицо — и она определяет

их способность к дальнейшему развитию в сходных направлениях, в том числе в сторону «вегетативных» значений.

Чрезмерный рост, как правило, — нежелательное для хозяина поведение растений. Перерастание «зелёной» части огородного растения приносит ущерб росту плода, ср. «Надурили огурцы на два метра. Дурят — а огурцев нет» (Филинская), «Огурцы дурят у меня: листья, как лопухи, а огурцов нет» (Гридинская); ср. также иркут. *дуреть* 'сильно расти, не созревая, не давая плодов': «Помидоры скорее бы поспели, а с дождя-то оне вот дуреть будут ишо. Дожди да земля жирна — вот и дурет всё» [СРГС 2: 77]. Неслучайно в смысловом пространстве *шал-/хал-* сочетаются значения бытия и «выхолощенности» (в том числе и в буквальном смысле, поскольку **xolstəjʃ* принадлежит гнезду **xol-*, являющемуся фонетическим вариантом к **xal-*).

Кроме того, бурный рост вызывает опасение, поскольку неумеренность ассоциируется не со сферой культурных растений, а со сферой дикой, «неуправляемой» природы, ср. влг. «Дурят-то больше бурьян, чертополох да сорняки, а едомые-то меньше дурят» [КСГРС].

Ещё одна причина опасений, связанных с чрезмерным ростом, относится к области народных верований. В данном случае речь идёт о неумеренном росте перьев лука, что, по примете, предвещает несчастье, ср.: «Если лук дурит — к горю. Дурит-то — перья у его высокие» (Воронино); «Лук дурит перед горем, матерущий растёт» (Давыдиха); «Лук дурит не к году — год будет плохой, невезучий

год» (Аникин Починок); «Если луку напятило крупного, то к горю» (Завражье). Это представление обусловлено горьким вкусом лука и его способностью вызывать слёзы, ср. экспликацию этой связи в речи информанта: «Если лук хорошо слишком растёт, это к горю, вот и говорят, *горечи* многоросло» (Воронино).

«Луковый» пример наводит на мысль о том, что есть особая категория растений, чей избыточный рост опасен. В эту категорию закономерно входят горькие и острые огородные культуры. Так, другое растение, активный рост которого вызывает недовольствие хозяев, — хрен: в силу своей плодovitости он не требует каких-либо специальных усилий для разрастания и из полезного растения легко превращается в сорняк, ср. влг. «Хрен не жито, вмиг всё поле крыто» [ЭМТЭ]. Отрицательное отношение к его разрастанию (которое наглядно демонстрирует чью-либо бесхозяйственность) определило появление влг. *охренеть* 'зарастить хреном (об огороде)': «Охренело всё, не работает хозяин дак»³.

В этих заметках мы привели только отдельные примеры вербального «оснащения» темы урожая и роста растений, встретившиеся в севернорусских полевых записях последних лет. Несмотря на разнородность проанализированных фактов, они объединяются во многом тем, что доказывают высочайшую аксиологичность представлений об урожае через изображение того, что урожаю мешает (как со стороны природы, так и со стороны социума): неумеренная вегетация или злая воля недоброжелателя.

Источники и материалы

АОС — Архангельский областной словарь. М., 1980–. Т. 1–18.

Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 3-е изд. СПб.; М., 1903–1909. Т. 1–4.

ДЭИС — Традиционная культура Урала: Диалектный этноидеографический словарь русских говоров Среднего Урала [Электрон-

ный ресурс] / авт.-сост. О. В. Востриков, В. В. Липина. Екатеринбург, 2009. 1 CD-ROM.

Ермолов 2013 — *Ермолов А. С.* Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах / сост. и отв. ред. О. А. Платонов. М., 2013.

Колосова 2009 — *Колосова В. Б.* Лексика и символика славянской народной ботаники. Этнолингвистический аспект. М., 2009.

³Представления о прямой связи между обилием хрена на земельном участке и ленью хозяина отражаются также в пол. литер. *ochrzaniać się* 'ничего не делать, отлынивать от работы', диал. *chrzanić* 'плохо, халтурно выполнять какую-либо работу, портачить', *chrzanić się* 'работать медленно, возиться' [Шадура 2010: 344–345]. Хрен, растущий в поле, воспринимается как признак лени хозяина, так как, как говорят кашубы, *chrzan sieje się sam, a żyto nie* <хрен сеется сам, а жито нет> [Sychta 2: 57], отсюда кашуб. *na křónie sezes* <на хрене сидеть> 'плохо вести хозяйство' [Там же].

КСГРС — картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).

Кучко, Леонтьева 2018 — Кучко В. С., Леонтьева М. О. Лук в лингвокультурной традиции Восточной Вологодчины // Живая старина. 2018. № 2. С. 8–10.

ЛКТЭ — лексическая картотека Топонимической экспедиции УрФУ (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).

РЗЗ — Русские заговоры и заклинания. Материалы фольклорных экспедиций 1953–1993 гг. / под ред. В. П. Аникина. М., 1998.

РС — Русский Север: этническая история и народная культура. XII–XX вв. М., 2001.

СД — Славянские древности: этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. М., 1995–2012. Т. 1–5.

СМЗ — Сборник малороссийских заклинаний / сост. П. Ефименко. М., 1874.

СГРС — Словарь говоров Русского Севера. Екатеринбург, 2001–. Т. 1–6.

СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. СПб., 1994–2005. Т. 1–6.

СРГС — Словарь русских говоров Сибири / под ред. А. И. Федорова. Новосибирск, 1999–2006. Т. 1–5.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. М.; Л.; СПб., 1965–. Вып. 1–50.

Толстая 2010 — Толстая С. М. Семантические категории языка культуры: Очерки по славянской этнолингвистике. М., 2010.

Топорков 2010 — Топорков А. Л. Русские заговоры из рукописных источников XVII — первой половины XIX в. М., 2010.

Усачёва 2008 — Усачёва В. В. Магия слова и действия в народной культуре славян. М., 2008.

Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986–1987. Т. 1–4.

Шадура 2010 — Шадура И. Р. Хрен в польском языке и народной культуре // Этноботаника: растения в языке и культуре / отв. ред. В. Б. Колосова, А. Б. Ипполитова. СПб., 2010. С. 341–361 (Acta linguistica Petropolitana: Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. VI, ч. 1).

ЭМТЭ — картотека фольклорных и этнографических материалов Топонимической экспедиции Уральского университета (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).

ЭСБМ — Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Мінск, 1978–. Т. 1–13.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков : праславянский лексический фонд. М., 1974–. Вып. 1–.

Machek — Machek V. Etymologický slovník jazyka českého. Druhé, opravené a doplněné vyd. Praha, 1968 (1971).

Sychta — Sychta B. Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1967–1976. Т. 1–7.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Е. Л. Березович orcid.org/0000-0002-1688-2808

доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, профессор кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета: Российская Федерация, 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, ком. 306; e-mail: berezovich@yandex.ru

В. С. Кучко orcid.org/0000-0002-7139-5738

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник топонимической лаборатории кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета: Российская Федерация, 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, ком. 306; e-mail: kuchko@inbox.ru

“НА НИЩЕГО, НА ПИЩЕГО”: RUSSIAN NORTH PAREMIOLOGY AND VOCABULARY OF ABUNDANT HARVEST. ETHNO-LINGUISTIC NOTES

ELENA L. BEREZOVICH, VALERIA S. KUCHKO

(Ural Federal University. 51, Lenin Ave., office 306. 620000 Ekaterinburg, Russia)

Summary. The article contains two brief notes on how different aspects of one phenomenon in agricultural practice are interpreted in the Russian dialects and culture: abundant harvest and excessive growth of plants. The first part of the article is devoted to one of the ways to ensure a good harvest with the help of verbal magic — pronouncing short sentences when planting vegetable crops; the second considers the lexemes that indicate too active plant growth. The aim is to reconstruct the motivations of some verbal formulas and lexemes (in connection with those pragmatic attitudes that determine their use) — and thereby contribute to the reconstruction of the complex of folk ideas about vegetation and harvest. The material is limited to the territory of the Russian North and includes mainly unpublished field materials obtained during the Toponymic expedition of the Ural University in the Vologda, Kostroma and Arkhangelsk regions. The data of dialect dictionaries and folklore-ethnographic sources on the territory of The Russian North are also used; in rare cases, language facts recorded in other zones are given for comparison.

Key words: Russian dialect vocabulary, ethnolinguistics, Russian North, agrarian magic, agrarian verbal formulas.

Acknowledgements. The work was financially supported by grant of the Russian Science Foundation “Contact and genetic ties of northern Russian vocabulary and onomastics”, project No. 17-18-01351.

References

Anikin V. P. (Ed.). (1998). Russkiye zagovory i zaklinaniya. Materialy fol'klornykh ekspeditsiy 1953–1993 gg. Moscow. (In Russ.)

Efimenko P. (Ed.). (1874). Sbornik malorossiyskikh zaklinaniy. Moscow. (In Russ.)

Ermolov A. S. (2013). Narodnaya sel'skokhozyaystvennaya mudrost' v poslovitsakh, pogovorkakh i primetakh. Moscow. (In Russ.)

Kolosova V. B. (2009). Leksika i simbolika slavyanskoy narodnoy botaniki. Etnolingvisticheskiy aspekt. Moscow. (In Russ.)

Kuchko V. S., Leont'yeva M. O. (2018). Luk v lingvokul'turnoy traditsii Vostochnoy Vologodchiny. Zhivaya starina. 2018. No. 2. Pp. 8–10. (In Russ.)

Tolstaya S. M. (2010). Semanticheskiye kategorii yazyka kul'tury: Ocherki po slavyanskoy etnolingvistike. Moscow. (In Russ.)

Tolstoy N. I. (Ed.). (1995–2012). Slavyanskiye drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar'. T. 1–5. Moscow. (In Russ.)

Toporkov A. L. (2010). Russkiye zagovory iz rukopisnykh istochnikov XVII — pervoy poloviny XIX v. Moscow. (In Russ.)

Usachyova V. V. (2008). Magiya slova i deystviya v narodnoy kul'ture slavyan. Moscow. (In Russ.)

Shadura I. R. (2010). Khren v pol'skom yazyke i narodnoy kul'ture. In Kolosova V. B., Ippolitova A. B. (Eds.), *Etnobotanika: rasteniya v yazyke i kul'ture*. St. Petersburg. Pp. 341–361. (In Russ.)

Vlasova I. V. (Ed.). (2001). Russkiy Sever: etnicheskaya istoriya i narodnaya kul'tura. XII–XX vv. Moscow. (In Russ.)

ABOUT THE AUTHORS

Berezovich E. L. orcid.org/0000-0002-1688-2808

E-mail: berezovich@yandex.ru

DrHab, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Professor, Department of Russian Language, General Linguistics and Speech Communication, Ural Federal University. 51, Lenin Ave., office 306. 620000 Ekaterinburg, Russia

Kuchko V. S. orcid.org/0000-0002-7139-5738

E-mail: kuchko@inbox.ru

PhD, Senior Research Fellow, Department of Russian Language, General Linguistics and Speech Communication, Ural Federal University

51, Lenin Ave., office 306. 620000 Ekaterinburg, Russia